

Погода в доме

— Все, все, хватит, не видишь — я уже встал!

Да и как тут не встать, когда изножье кровати опускается к самому полу, изголовье задирается вверх, и ты скатываешься по гладкой простыни, как по склону ледяной горки. Хорошо еще, съехал прямо в тапочки...

— Окно, — пробормотал Сашка, наблюдая, как смятое одеяло исчезает в стене.

— Что окно? — поинтересовался Зануда.

— Открой, — поморщившись так, словно разжевал целый лимон, уточнил Сашка.

Похожий на большой рот постелеприемник сосредоточенно доел одеяло, махом заглотил подушку и на десерт закусил простыней. Ее скомканный конец некоторое время еще торчал наружу, болтаясь из стороны в сторону, как огромная шелковая макаронина.

Мальчик отвернулся: он терпеть не мог макароны. Особенно по-флотски.

— Насколько широко? — не унимался Зануда.

Сашка поморщится сильнее, как будто обнаружил внутри разжеванного лимона останки червяка.

— На сорок девять с половиной процентов, — холодно процедил он.

— Давно бы так! — Створка окна послушно отъехала в сторону точно на

указанную ширину. — И не надо считать меня занудой. Нужно просто четко, исчерпывающе и недвусмысленно формулировать команды. Запомнить такое положение окна как стандартное?

— Да.

Кровать, сложившись в гармошку, последовала за постельным бельем. Сашка проводил ее печальным взглядом. И все-таки странно немножко, как все это появляется вечером обратно, выглаженное и стерилизованное? Приходится признать, что при всей своей придирчивости Зануда иногда способен приносить кое-какую пользу.

Тем временем набившая оскомину побудочная мелодия «Встань пораньше» в распределенных по периметру потолка динамиках сменилась новым призывом: «На зарядку становись».

Часть стенки шведской, из укромной ниши выполз на середину комнаты велотренажер, а прикроватный коврик вдруг зашевелился под ногами мальчика, превращаясь в беговую дорожку. Сашка поспешно сошел с нее. Бежать — он знал это наверняка — было некуда. Все равно ближайшие двадцать минут дверь в детскую заблокирована и без зарядки — ну, или хотя бы ее видимости — ему отсюда не выйти. «Куда ты денешься с подводной лодки!» — было любимой присказкой отца.

Сашка посмотрел на свесившиеся с потолка гимнастические кольца обреченным взглядом приговоренного к виселице. Качнул их, чтобы стукнулись, и шагнул к окну, подставляя лицо утренней прохладе.

Прохлады не было. Ни дуновения — Сашка проверил это, по локоть высунув руку на улицу. Высовываться дальше было небезопасно: сработавший фотоэлемент включал спасательный режим «Кукушонок». Сашка выяснил это однажды, когда попытался улизнуть из дому через окно.

— Какой сегодня ветер? — спросил он, деловито водя из стороны в сторону послушавленным пальцем.

Раздался тихий щелчок подключения к сети. Ответ пришел через полминуты.

— Северо-западный, если верить погодному сайту.

— Сайту... А флюгер на что?

— После вчерашнего футбола? — удивился Зануда. — Ни на что.

Сашка вздохнул, вспомнив вчерашний матч. И тот мяч, что летел, казалось, точно в девятку, а в итоге не попал даже в чистое небо. Помешал флюгер в виде поднявшего паруса фрегата, которым Сашин папа, оставший моряк-подводник, собственноручно украсил крышу. Флюгер уцелел, лишь немного испачкались паруса при падении в цветочную клумбу, но сломалась держащая ось. Сейчас фрегат лежал со спущенными парусами на полке книжного стеллажа. Во втором ряду, загороженный огромным «Атласом мира» — вдруг не заметят! О разговоре с отцом на эту тему думать пока не хотелось.

— Так я и думал! — удовлетворенно кивнул Сашка. — В таком случае, избушка, избушка, возьми-ка ты курс на норд-вест.

— Не могу, — признался Зануда. — Сергей Владимирович просил, чтобы в ближайшие полчаса окна взрослой спальни выходили на несолнечную сторону.

«Спя-ат!» — со смесью обиды и зависти подумал Сашка. — Подняли ребенка ни свет ни заря, а сами дрыхнут без задних ног! Где справедливость?

Или спорт по утрам полезен только в девятилетнем возрасте?»

Однако с отцовским приказом не поспоришь. Не хватит этого... — Сашка с трудом вспомнил мудреное слово, — «приоритета». Как всякий член семьи он, конечно, имел право голоса, но его право сильно уступало маминному, а отменить распоряжение отца они с мамой могли только совместными усилиями.

— Я могу включить искусственное проветривание, — напомнил Зануда.

— Угу, а искусственный снегопад не организуешь?

Зануда не отреагировал. Встроенный в него блок распознавания речи позволял по интонации отличить команду от простого издевательства.

— Кстати о снегопаде, — как ни в чем не бывало продолжил он. — Тот же погодный сайт предупреждает...

— Замолкни! — четко, исчерпывающе и недвусмысленно скомандовал Сашка. Он подумал недолго, затем вкрадчиво продолжил: — Слушай, а нельзя ли как-нибудь, не отменяя папиного приказа, сделать так, чтобы окна моей комнаты тоже выходили на запад?

Компьютер покладисто молчал. Даже без слов он умудрялся оставаться поразительной Занудой.

— Ладно, отмокни, — отменил Сашка предыдущую команду. — А теперь отвечай.

— Ты хочешь, чтобы окна выходили в ванную?

— Нет конечно! На улицу.

Зануда обдумывал ответ целую секунду.

— Можно, — сказал он наконец. — Но потребует серьезная перепланировка. В результате доступ из взрослой спальни вовне будет временно затруднен. Я не могу пойти на это, не спросив разрешения у твоих родителей.

— Будить из-за такой ерунды старого морского волка? — с сарказмом спросил Сашка. — То-то он обрадуется! Хорошо, если сразу не загрызет.

«Вот здорово! — ликовав он про себя. — «Временно затруднено» — это как раз то, что надо! Пусть потолка-

ются перед закрытой дверью, почувствуют, какво это — быть запертым в собственной комнате. Подводная лодка — она для всех подводная лодка!».

— Хорошо, — сказал Зануда, — только держись за что-нибудь. Может немного трясти.

И обманул: не трясло ни капельки. Вся комната вместе с хозяином чуть качнулась и плавно двинулась куда-то в сторону.

Облокотившись о подоконник, Сашка с интересом следил, как меняется пейзаж за окном. Как уезжают в сторону врытые в землю качели, заходит за угол дома Солнце, и как перекашивается от изумления лицо соседа Матвея Ильича, вышедшего с утра пораньше поковыряться в грядке на манер весеннего грача...

Приятный ветерок подул в окно, затрепетал в занавеске. Солнце осталось на востоке, и Сашка пришел к мысли, что было бы неплохо еще полчаса поспать. Или хотя бы подремать. Только на чем? Кровать-то до вечера на стоянке в теплом доке... Ох уж эта мебель: появляется, когда нужна, и исчезает, когда особенно нужна! Впрочем...

Он подавил зевок и скомандовал как можно безразличнее:

— Стол!

— Что стол?

Ну не Зануда ли?

— Накрой! — огрызнулся Сашка. — Что непонятного? Я хочу мой письменный стол!

— Зачем? — с подозрением спросил Зануда.

— Уроки повторить! — буркнул Сашка. — Математику.

— А что задали?

— Тебе-то какая разница? Простые числа.

— Простые? Это какие же?

— Ну, один, два, три...

— И четыре?

— Нет. Четыре не простое, потому что делится пополам. В смысле, на двоих.

— А семь?

— Семь? — Сашка задумался. — Не делится.

— А сто тринадцать — простое число?

— Нет, конечно, — уверенно ответил Сашка, — сложное.

— Почему?

— Потому что... Потому... — Две минуты спустя Сашка пришел к выводу, что сто тринадцать — тоже простое число. Но это еще не все. Он также понял, что коварный механизм снова бессовестно обманул его и, вместо того чтобы дать подремать в уютном кресле за столом, заставил повторять домашнее задание.

— Ах, так!..

Он запрыгнул на велотренажер и закрутил педали с таким отчаянием, словно собирался умчаться на нем прочь из этого дома. Обида вытеснила остатки сна. «Как же он меня провел? — спрашивал себя мальчик, и сам отвечал: — Как... как мальчишку!»

Хотя, если вдуматься, кто это «он»? Дом? Или компьютер, контролирующий в нем каждую мелочь? Или программа-воспитатель? Тогда уже не «он», а «она».

Вот и к маме компьютер обращается тонюсеньким женским голоском; мама зовет его Подружкой. А с папой разговаривает хриплым просоленным басом корабельного боцмана. Правда, с папой не больно-то поговоришь...

Когда на спидометре тренажера прибавилось три километра, компьютер плавно снизил нагрузку на педали, так что крутить их стало легко, но скучно. Сашка выбрался из седла и побрел принимать водные процедуры. Спортивные формальности были соблюдены, и дверь детской сама распахнулась перед ним.

Сашка сделал шаг наружу и остановился в задумчивости.

Ванная была на месте. Со всеми полагающимися удобствами, парой полотенец: сухим и разогретым на пару, которые вылезли из специального лотка как раз к его приходу, и большим круглым зеркалом над раковиной. Все такое будничное, что Сашка машинально скомандовал:

— Восьмой канал выведи на зеркало.

И услышал в ответ:

— Через минуту. Как только закончится реклама.

Угу, кивнул мальчик, реклама, по мнению мамы, вредна детям... И только тут заметил наконец некую несообразность в привычном интерьере, настолько вопиющую, что она, точно слон из поговорки, не сразу бросалась в глаза.

У ванной комнаты не хватало одной стены. Как раз той, что связывала ее с родительской спальней. Сейчас на месте четвертой стены была улица, вид на застывшего на манер огороженного пугала соседа и слепящий свет невысоко взлетевшего над горизонтом Солнца.

Загордившись от его лучей ладошкой, Сашка осторожно подошел к месту разрыва, автоматически кивнул Матвею Ильичу и высунул голову наружу, чтобы оценить обстановку.

Оценка вышла на три с минусом. Дом, до этого похожий на гигантский пасхальный кулич, теперь напоминал распиленный пасхальный кулич. На две равные половинки; они стояли рядышком, всеми окнами на запад, неприкрытым интерьером на восток. Стена взрослой спальни никуда не делась, она оказалась на положенной высоте, правда повернутая на сто семьдесят градусов, и дверь ее против обыкновения выходила в никуда.

Вот, что, оказывается, имел в виду Зануда, говоря про «затрудненный доступ вовне». Ничего себе вовне: со второго этажа прямо в подземный гараж! Точно в...

Не успел Сашка додумать, как дверь родительской спальни отъехала в сторону и оттуда показался бодрый, подтянутый, а главное, ни о чем не подозревающий отец. Он успел сделать широкий шаг навстречу солнцу, поймал ногами пустоту и с легким недоумением на лице рухнул вниз.

Точно в «девятку» — закончил мысль мальчик, зачарованно уставившись на крышу отцовских жигулей, которую старательный Боцман каждое утро надраивает до зеркального блеска. Такую гладенькую, сверкающую на солнце, без единой вмятинки...

Тут, как назло, поток рекламных роликов на восьмом канале иссяк и включившийся посреди круглой зеркальной рамы телевизор затынул на всю улицу лиричным хриплым голосом: «А когда ты упал со скал, он стоил, но дер-р-ржал...»

Режим «Кукушонок», конечно же, сработал. Хотя, строго говоря, и не был предназначен для отлова взрослых мужчин, выпадающих из дверей. Но смотреть, как капитан запаса выпутывается из тонкой эластичной сетки с покрасневшим, как у заживо отваренного краба, лицом... а в особенности слушать... Нет, Сашка вдруг отчетливо понял, что зря не согласился на искусственное проветривание.

В довершение всех утренних неприятностей на завтрак были макароны. Отгадайте, какие?

Воспользовавшись тем, что родители увлечены беседой — отец рубил воздух ладонью и часто повторял про дисциплину на корабле, мама украдкой косилась на сына и однообразно отвечала: «Сереза, спокойней!» или «Сереза, он же маленький!» — Сашка меланхоличным жестом опустил тарелку с макаронами под стол, там опорожнил и, подперев подбородок рукой, быстро шепнул в кулак: «Уборка».

Зануда отличался отличным слухом, но, к сожалению, не только им. Иначе зачем бы Сашке выдумывать ему такое имя? Вот и сейчас, вместо того, чтобы включить автоматическую очистку полов или, по выражению отца, «отдраить палубу», компьютер тщательно протер окна, смел микроскопическую пыль с подоконника и даже сменил воду в вазоне с озерной кувшинкой. Однако до чистки полов так и не снизошел.

Обнаружив посреди кухонного ковра аппетитную макаронную кучку, мама мгновенно позабыла собственный довод про «он же маленький» и безоговорочно перешла на сторону отца.

«Обычный пес, — угрюмо размышлял Сашка, — совсем не породистый, даже наоборот, справился бы с

этим лучше всяких самоочищающихся полов».

Необходимость отправляться в школу он воспринял если не с радостью, то с явным облегчением. Сашка вывел из гаража свой — нормальный, с двумя колесами — велосипед, выехал на дорогу и, круто развернувшись, окинул мрачным взглядом родной дом.

После устранения последствий сегодняшней перепланировки дом снова походил на огромный гриб, только без шляпки и с глазами. Глаза — это из-за папы, который вместо обычных окон оборудовал спальню привычными ему иллюминаторами. Порой Сашке казалось, что куда бы он ни уехал, эти глаза все равно следят за ним.

«Живут же люди!» — с завистью думал он, проносясь мимо обычных коттеджей и дачных домиков, в которых летом душно, а зимой холодно, где, чтобы передвинуть мебель, нужно нанять бригаду грузчиков, а для перепланировки комнат использовать кувалду. — Живут и даже не понимают собственного счастья!»

Дорога к школе шла в гору, к тому же после зарядки чуть-чуть побаливали мышцы ног, поэтому Сашка успел довольно прилично умяться, когда в ранце за его спиной запищал телефон. Пришлось останавливаться.

— Сашуль, ты где сейчас? — спросил из трубки встревоженный мамин голос.

— Где-то в районе пятьдесят седьмого столба, — честно признался Сашка.

Он давно привык считать столбы у дороги, мимо которых проезжал. По пути до школы их встречалось ровно сто тринадцать. Только что он миновал пятьдесят шестой, то есть находился приблизительно на половине пути — хотя сто тринадцать, как он выяснил всего час назад, пополам и не делится.

— Возвращайся, сына, — попросила мама. — И, пожалуйста, побыстрей.

— А что случилось? — насторожился Сашка.

— Только что по радио передали

штормовое предупреждение. Вернее, передали час назад, но мы из-за этой катавасии все пропустили. Приезжай, слышишь?

Первым Сашку посетило облегчение. Подумаешь, предупреждение! Он-то сперва испугался, что это папа обнаружил сломанный флюгер, и даже успел удивиться, зачем кому-то в восемь утра понадобился «Атлас мира»? Вот это был бы шторм!

Затем пришло сомнение. Сашка взглянул на светлое, почти безоблачное небо, которое, как пишут в книжках, ничего не предвещало, поискал послонявленным пальцем ветерок, прислушался к спокойному щебету птиц и начал жалобно:

— Мам, да мне тут до школы...

— Немедленно домой! — раздался вдруг прямо в ухе специальный, военно-морской, голос отца, и Сашка ментально, почти что на одном колесе развернул велосипед в сторону дома.

Уже через пару минут погода резко стала портиться. Первыми смолкли птицы, на глазах окреп ветерок, усилился, погнал по асфальту песок и мелкие ветки. Дождя с градом пока не было, но судя по отдаленным раскатам, это был вопрос нескольких минут.

Калитку дома он нашел распахнутой настежь, видимо, за его приездом следили изнутри, въехал во двор одновременно с первыми струями дождя и, прежде чем дверь гаража захлопнулась за ним, успел получить по макушке парой увесистых градин.

Поднявшись на лифте на первый этаж, Сашка застал там картину, напоминающую последний день Помпеи, а еще больше — Ноев ковчег за минуту до отплытия. Так людно и шумно в доме не было даже на новоселье, когда поздравить папу пришел весь его экипаж. Здесь собрались те соседи, которых Сашка знал хорошо, те, кого видел только мельком — короче, по-видимому, все, до кого успели дозвониться родители. Почти все были с детьми, многие — с домашними животными. Соседка Сидорова приволокла на собачьем поводке козу Глафиру, и та ошалело крутила голо-

вой посреди гостиной, временами пытаясь забодать диван.

Сашка тоже в первый момент слегка опешил. Потом нашел глазами маму, она решительно прокладывала себе путь в гомонящей толпе, наконец пробилась, сильно прижала к груди. Отец обнаружился на винтовой лестнице в противоположном углу комнаты.

— Все на местах? — спросил он, не особенно напрягая голос, однако, все услышали. И сам себя перебил: — Отставить! Как же я... Там ведь флюгер!

Он заспешил на второй этаж, и Сашке пришлось изо всех сил крикнуть ему в спину:

— Стой, пап! Его там нет!

— Как это? — Отец удивился так, что все гости на мгновение притихли.

— А я его снял вчера, — в наступившей тишине признался Сашка. — За... это, ну... благовременно.

— Так держать, юнга! — Во взгляде отца мальчик впервые за сегодняшнее утро различил одобрение. — Тогда прошу внимания. Пожалуйста, дорогие гости, приготовьтесь. Боцман, режим погружения!

Задраились люки — стальные ставни на окнах, включилось аварийное — от автономного генератора — освещение, печально заблелая Глафира — и

дом начал медленно и даже торжественно опускаться под землю. Все погружение заняло две минуты, до тех пор пока крыша дома, теперь — абсолютно плоская, не опустилась до уровня земли, оставив над поверхностью лишь элемент визуального наблюдения, который отец зовет «перископом».

Через него Сашке было хорошо видно, как разошедшийся ветер вздымает к небесам целые озера воды и песка, закручивая их грязновато—серыми смерчками, как летят по небу вырванные с корнем деревья и путаются в оборванных проводах куски штакетника.

— Не ругайтесь, пожалуйста, — попросил он оказавшегося рядом Матвея Ильича. — Здесь дети.

— Так ведь... оно ж... — с усилием вымолвил сосед, глядя, как с недавно отремонтированной крыши на манер роящихся коричневых бабочек отлетает черепица.

А вот у нас сухо, безопасно и даже уютно, удовлетворенно отметил Сашка. Хотя и тесновато немножко. Приходится признать, что при всех своих недостатках Зануда иногда способен приносить...

Впрочем, об этом я, кажется, уже сегодня думал.

ОБ АВТОРЕ:

Овчинников Олег Вячеславович родился в 1973 году в г. Оренбурге. Окончил факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ, где специализировался на компьютерной лингвистике. Ныне живет в Москве, работает в ведущем программистом в компании «ACD Lab Inc».

В 1998 году стал победителем конкурса «Альтернативная реальность»: его рассказ «Глубинка», напечатанный в журнале «Если», был первым выступлением автора в жанре. С тех пор опубликовал более двух десятков рассказов и повестей в журналах «Если», «Уральский следопыт», «Техника-молодежи», «Наука и жизнь» и других. В 2003 году повесть О.Овчинникова «Семь грехов радуги» была удостоена премии «Сигма-Ф». В 2004 году вышла первая книга писателя — «Семь грехов», а в 2006 году — роман «Арахно».